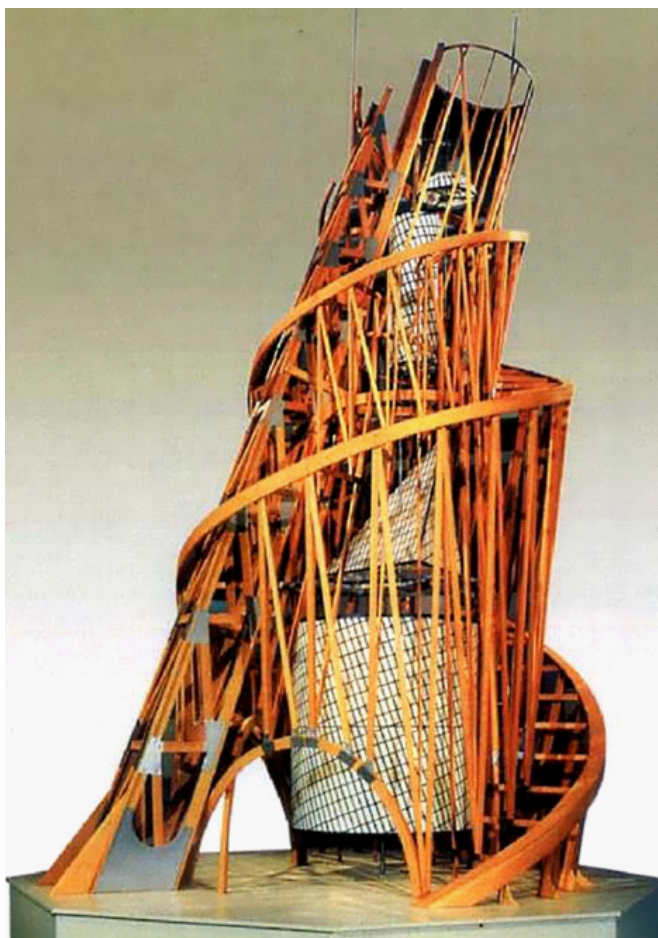

КУЛЬТУРА УКРАИНСКИХ ФИЛОСОФСКИХ СООБЩЕСТВ: СИТУАЦИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ

**Рекомендовано к печати решением Ученого совета
факультета истории и философии Одесского национального университета имени
И.И.Мечникова Протокол № 3 от 12 ноября 2019 г.**

Редакционная коллегия:

Л.Н. Богатая, И.В.Голубович, К.В. Райхерт

Ответственный редактор:

Л.Н.Богатая, доктор философских наук, профессор кафедры культурологии
Одесского национального университета имени И.И.Мечникова

Рецензенты:

Н.В.Кочубей, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой
менеджмента и инновационных технологий социокультурной деятельности НПУ
имени М.П.Драгоманова

С.М.Повторева, доктор философских наук, профессор кафедры философии
Национального университета «Львовская политехника»

В.Б.Ханжи, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии
и биоэтики Одесского национального медицинского университета

Авторский коллектив:

Г.Е.Аляев, А.П.Артеменко, А.И.Афанасьев, Л.Н.Богатая, И.В.Голубович, Т.Н.Попова,
И.А.Донникова, Е.М.Иванова, А.С.Кирилюк, Ю.А.Мелков, В.Л.Петрушенко,
К.В.Райхерт, А.Ю.Цофнас, И.С.Добронравова, С.В.Пролеев, Д.Б.Свириденко,
Т.Д.Суходуб, Л.А.Филипович, Г.В.Хоменко, А.С.Шохов

Культура украинских философских сообществ: ситуация трансформации:
[коллективная монография] / ред.кол. Л.Н.Богатая, И.В.Голубович, К.В.Райхерт; отв.
ред Л.Н.Богатая. Одесса. издатель С.Л. Назарчук, 2020. 234 с. URL: <http://dspace.onu.edu.ua:8080/handle/123456789/28085>

Существует ли современная украинская философия? Ответы на этот вопрос могут быть очень разными. Но в существовании украинских философских сообществ едва ли можно усомниться. Все те, кто пытаются заниматься философией в Украине (профессионально или непрофессионально) обязательно имеют опыт участия в работе того или иного философского сообщества. В монографии представлены две группы текстов. В первой собраны воспоминания непосредственных участников работы некоторых украинских философских школ (содружеств). Авторы второй группы текстов размышляют о том, как можно исследовать напластования национальных философских традиций.

Книга адресована широкому кругу читателей, интересующихся процессами развития (трансформации) современной украинской философской культуры.

ISBN 978-617-7883-05-9

**УДК 141
К90**

@ Коллектив авторов, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО РЕДАКТОРА	8
ГЛАВА 1. ОБ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕКОТОРЫХ УКРАИНСКИХ ФИЛОСОФСКИХ СООБЩЕСТВ	15
АЛЯЕВ Геннадий Евгеньевич, СУХОДУБ Татьяна Дмитриевна Философское сообщество как философское содружество (об истории Общества русской философии при Украинском философском фонде)	16
ИВАНОВА Евгения Михайловна Системология в Одессе: перезагрузка	27
КИРИЛЮК Александр Сергеевич Інститут філософії з філософією у дужках (спогади колишнього аспіранта)	38
МЕЛКОВ Юрий Александрович «Киевская школа философии» XX в. и её основные идеи в контексте конституирования единства украинского философского сообщества	59
ПЕТРУШЕНКО Виктор Леонтьевич Львовский «философский пароход»: об опыте одного домашнего историко-философского семинара	71
СВИРИДЕНКО Денис Борисович, ХОМЕНКО Глеб Владимирович Міжнародне філософсько-космологічне об'єднання: п'ятнадцятирічна історія та сучасність	76
ФИЛИПОВИЧ Людмила Александровна Українське релігієзнавство: історія постання та інституалізації	88
ГЛАВА 2. О МЕТОДАХ АНАЛИЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФИЛОСОФСКИХ СООБЩЕСТВ	99
АРТЕМЕНКО Андрей Павлович Дослідження проблеми ідентичності в українській філософській традиції початку ХХІ століття	100
АФАНАСЬЕВ Александр Иванович Методология исследования культуры философских сообществ	121
БОГАТАЯ Лидия Николаевна Национальные философские сообщества как объекты и субъекты заботы	130

ГОЛУБОВИЧ Инна Владимировна, ПОПОВА Татьяна Николаевна Размышления на два голоса. <i>Читаем книгу:</i> Бирман М. А. П. М. Бицилли (1879-1953). Жизнь и творчество	143
ДОННИКОВА Ирина Анатольевна Научно-образовательные сообщества как форма интеллектуальной культуры	159
РАЙХЕРТ Константин Вильгельмович Критический очерк эмпирического реализма А. И. Уёмова	176
ИНТЕРВЬЮ	186
ДОБРОНРАВОВА Ирина Серафимовна Синергетическое сообщество как открытая неравновесная система	187
ПРОЛЕЕВ Сергей Викторович Эмиграция из современности	198
ПРИЛОЖЕНИЕ	211
ЦОФНАС Арнольд Юрьевич Мемуар о системном семинаре в Одессе	212
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	232

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СООБЩЕСТВА КАК ФОРМА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Интеллектуальная культура

Первые десятилетия XX века проходят в осознании необходимости глобальных изменений. Человечество меняется, и происходит это настолько быстро, что напоминает эффект «Вавилонского столпотворения», когда смешиваются, соединяются, сталкиваются, взаимо- и противодействуют разные временные пласты, культурные пространства, идеи, мировоззрения, проекты будущего и прошлого. Сегодня стало очевидным, что эпицентр изменений сосредоточен в информации, мышлении и знаниях. За последнее столетие «сфера разума» разрослась в разветвленную сеть продуцирования знаний, и этот процесс уже не является прерогативой человека. Более того, у него есть все шансы проиграть в конкуренции с самообучающимся искусственным интеллектом, цифровой (виртуальной) реальностью. Трансгуманизм и постчеловеческое будущее уже не фантастика, а стремительно усложняющаяся реальность. Что современный человек может ответить созданной им самой сложности, ставшей для него вызовом? Поиск ответа предполагает, как это ни парадоксально, дальнейшее развитие знания и мышления для понимания возможных результатов использования высоких технологий, что означает обращение к культурогенным основаниям человеческого существования. Речь идет о способности человека создать новую *интеллектуальную культуру*, придать мышлению и деятельности *созидательный* характер.

Современные исследования связывают феномен интеллектуальной культуры с инновациями и инновационной деятельностью, в контексте которой она определяется как «комплекс знаний и умений в сфере эмоционального, разумного труда, умения определять цели познавательной деятельности, планировать, выполнять познавательные операции различными способами, работать с источниками, делать выводы, обобщая информацию, развивать эмоциональный интеллект» [6]. Таким образом, интеллектуальная культура характеризует уровень развития интеллектуальных способностей человека, необходимых для осуществления познавательной деятельности.

Однако, на наш взгляд, об интеллектуальной культуре следует говорить в контексте всей человеческой жизни, не ограничивая ее сугубо познавательной (научно-познавательной) деятельностью. В таком понимании интеллектуальная культура является одной из составляющих индивидуальной культуры и определяет характер отношений человека не только в сфере социального управления, но прежде всего, в организации себя и собственной жизни, в развитии способности и потребности осмысленного к ней отношения. Не

случайно особое внимание в анализе интеллектуальной культуры уделяется эмоциональному интеллекту (EQ), с которым связаны такие базовые способности человека, как самооценка, самоконтроль, мотивация, эмпатия, толерантность, диалогичность и др.

Отметим, что эмоциональный интеллект впервые был выделен в работах американского психолога Г. Гарднера, который описал такие его формы, как внутриличностный и межличностный (направленные соответственно на собственные эмоции и на эмоции других людей) [24]. Тем не менее, рождение самого термина «эмоциональный интеллект» состоялось в работах американских психологов Дж. Майера и П. Саловея, определивших его как совокупность когнитивных способностей к идентификации, использованию, пониманию и управлению эмоциями [26]. Эти четыре компонента эмоционального интеллекта, по мнению исследователей, способствуют эффективности интеллектуальной деятельности, стимулируют мышление, снижают интенсивность негативных эмоций и переживаний.

В последние годы большой известностью и популярностью пользуются работы американского психолога Д. Гоулмана [3, 4, 25], благодаря которым эмоциональный интеллект определяется как эмоционально-интеллектуальная деятельность, умение человека управлять эмоциональной сферой, контролировать эмоции с помощью интеллекта, действовать согласованно с внутренней средой своих чувств и желаний. Он является необходимым фактором объединения личных и социальных свойств человека, способствует успеху, инновационной деятельности [4].

Таким образом, эмоциональный интеллект является своего рода эмоциональным самосознанием, которое дает возможность не только переживать определенные эмоциональные состояния, но и рефлексировать по этому поводу и соответственно действовать. Оказалось, что в человеческой коммуникации происходит также и обмен эмоциями, которыми нельзя пренебрегать, поскольку они могут и способствовать, и затруднять обмен информацией и знаниями.

В работе “Emotional Intelligence” (опубликованной в Украине в 2018 году) Д. Гоулман пишет об эффективности эмоционального интеллекта в личностном росте, анализируя, каким образом он влияет на жизнь и судьбу человека [25]. Он подчеркивает, что академические знания не готовят нас к неприятностям, жизненным неудачам или новым возможностям. В то же время эмоциональный интеллект имеет огромное значение для понимания, как сложится наша судьба, насколько мы станем успешными, перестанем страдать от внутренних баталий. «Управление эмоциями – это метаспособность, которая определяет, насколько хорошо мы можем использовать наши навыки и умения, включая те интеллектуальные способности, которые еще не «отшлифовали» [3, с. 80-81]. По сути, Д. Гоулман придает эмоциональному интеллекту значение важного личностного фактора в становлении и самоопределении человека.

Можно утверждать, что благодаря эмоциональному интеллекту интеллектуальная культура приобретает личностное измерение, «выявляется ее зависимость от способностей человека воспринимать, идентифицировать, понимать эмоции и чувства (собственные и других людей), управлять ими, что в общем является необходимым условием фасилитации мышления» [6]. Именно эмоциональный интеллект определяет характер межличностной коммуникации и способствует созданию интеллектуальной среды, имеющую личностную значимость.

Акцентирование внимания на интеллектуальной коммуникации дает возможность увидеть связь между индивидуальными и коллективными формами интеллектуальной культуры, а также проследить зарождение и эволюцию идей. Субъектами интеллектуальной культуры являются интеллектуалы и интеллектуальные сообщества – создатели, хранители, интерпретаторы и трансляторы той или иной интеллектуальной традиции, в коммуникации которых возникают условия и формы распространения идей и инноваций, образуется культурно-образовательная среда, институализированная вокруг учебно-научных центров [17].

Интеллектуальная культура того или иного общества – это прежде всего история идей. Именно в таком аспекте рассуждает американский социолог Р. Коллинз, предлагая «ключ» к пониманию эволюции идей и их содержания. Ключом у него становятся интеллектуальные сети (*intellectual networks*), которые определяются как социальные связи между мыслителями, чьи идеи передаются следующим поколениям [9, с. 40]. Сети для Коллинза – это «мнемонический прием», «способ проследить направление развития интеллектуальной истории», понять и объяснить причины происхождения идей и их изменений. Он подчеркивает, что именно сеть является действующим лицом на интеллектуальной сцене. «Сети представляют собой устойчивую структуру, продолжающуюся во времени, или паттерн связей между микроситуациями, в которых мы живем» [9, с. 40].

Не останавливаясь подробно на концепции Р. Коллинза (к некоторым ее положениям мы еще вернемся), выделим те его идеи, которые помогут прояснить понятие интеллектуальной культуры. Так, по Коллинзу, интеллектуальные сети зарождаются через взаимодействие людей, «обнаруживаются в общении одного мыслящего человека с другим» [9, с. 46]. При этом сами взаимодействия далеко не идеальны. Интеллектуальная жизнь – это динамика конфликта и альянса в интеллектуальных сетях. «Конфликт – это энергетический источник интеллектуальной жизни и при этом он ограничен сам собой» [9, с. 45]. Этот конфликтный коммуникативный процесс создает мыслителей как узлы интеллектуальных сетей. Для Коллинза это означает, что идеи порождаются не индивидами, а интеллектуальными группами, к которым индивиды относятся и которые превращают их в исторические фигуры [9, с. 49].

Индивидуальный уровень процесса зарождения идей Р. Коллинз представляет как проявление присущей интеллектуалам эмоциональной энергии – особой творческой активности; вдохновения, позволяющего достигать интенсивного сосредоточения; дающего уверенность и инициативу для использования своего культурного капитала и произведения должного социального эффекта [9, с. 84]. Потоки эмоциональной энергии рассматриваются Р. Коллинзом для раскрытия специфики осуществления интерактивных ритуалов интеллектуалов. «Момент за моментом, ситуация за ситуацией, каждый человек движется сквозь континуум интерактивных ритуалов, реальных или замещающих, различных по интенсивности — от высокой до минимальной, ритуалов, которые дают начало потоку культурного капитала и калибруют эмоциональную энергию людей, то увеличивая, то уменьшая ее» [9, с. 88].

Концепция Коллинза содержит идеи, важные для понимания процесса генерации идей, развития интеллектуальной культуры как культурного капитала. Это процесс, в котором через соперничество, дискуссию и обмен создаются интеллектуальные сети и сообщества. В нем имеют значение как индивидуальные интеллектуальные способности и позиции, так и личные связи и знакомства между мыслителями, создающими определенное интеллектуальное пространство. Поскольку Р. Коллинза интересует история идей, объяснимо его внимание к интеллектуальным сетям и группам. Нам же представляется важным сосредоточить внимание на самой организации межличностной коммуникации интеллектуалов как носителей и генераторов определенного мышления. Интересно было бы использовать рассуждения Коллинза для осмысления эмоционального интеллекта, особенностей его развития у интеллектуалов, несмотря на то, что в его концепции эмоциональная энергия – это только фактор, позволяющий человеку привлекать к себе внимание в интеллектуальном взаимодействии.

Концепция Коллинза заставляет обратить внимание на еще один немаловажный момент. Интеллектуальные сообщества, безусловно, относятся к элитарной интеллектуальной культуре (именно они, на наш взгляд, интересуют Коллинза). Но для создания, поддержания и расширения интеллектуальной среды также необходима массовая интеллектуальная культура, которая отвечает за трансформацию идей в доступные для усвоения формы, за «взращивание» будущих интеллектуалов и привлечение их к «высокой культуре».

Специфика интеллектуальной культуры определяется не только тем, что и как происходит между интеллектуалами, не только результатами их коммуникации. К процессу генерации идей имеет отношение широкий круг просто мыслящих людей, которые учатся, осваивают, принимают, критикуют, интерпретируют новые идеи, но сами не принадлежат «профессиональному» (назовем его так) интеллектуальному пространству. История идей была бы невозможна без распространения их среди тех, кто преимущественно является их потребителем или ретранслятором. В таком понимании интеллектуальные сети охватывают все социокультурное пространство, придавая характер

интеллектуальных практик различным видам деятельности. Каждого мыслящего человека можно считать интеллектуалом, поскольку он в той или иной степени причастен к процессу генерации идей и знаний.

В связи с этим необходимо выделить, пожалуй, самый важный аспект в осмыслении интеллектуальной культуры – она генерирует созидательные идеи и знания, ответственна не только за информационное обновление общества, но и за ценностное содержание знаний. Собственно созидательность отличает интеллектуальную культуру от интеллектуальной деятельности, поскольку предполагает включенность знания в процесс обустройства человеком своего жизненного мира.

Размышляя об интеллектуальной культуре, особо следует сосредоточиться на формах и способах ее институализации и распространения, благодаря которым активизируется и осуществляется интеллектуальное творчество, возникают уникальные интеллектуальные сообщества, рождаются новые поколения интеллектуалов. Речь идет, прежде всего, об образовании как особой форме интеллектуальной практики, в которой создаются условия для развития мышления и знания.

Образование, новое Просвещение и созидательное знание

Роль образования в развитии современного общества стала одной из главных тем юбилейного доклада Римского клуба «Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet», который был представлен мировому сообществу в ноябре 2017 года. Проанализировав глобальные изменения в ключевых сферах социума, авторы доклада делают вывод об усиливающемся кризисе, охватившем природу, политику, культуру, мораль и идеологию [29, с.2]. Сложившаяся критическая ситуация свидетельствует, по мысли авторов, о необходимости нового Просвещения (Enlightenment 2.0) – кардинального переосмысления базовых установок эпохи Просвещения, таких как «независимый интеллектуализм», свободное мышление, просвещенность населения как источник развития науки, технологий и предпринимательства [29, с. 92. 93]. Взамен предлагается гуманизм, свободный от антропоцентризма; открытое, но устойчивое развитие; комплементарность и синергия. Новое Просвещение, таким образом, представляет собой проект модернизации образования для глобального реформирования мышления и знания.

Как отмечается в докладе, пересмотр идей классического Просвещения связан с необходимостью преодоления различного рода дихотомий: между людьми и природой; краткосрочной и долгосрочной перспективами; скоростью и стабильностью (темпами технологического и культурного прогресса); частным и общественным; женщинами и мужчинами (за счет «изменения типологии функций»); равенством и справедливыми вознаграждениями за достижения; государством и религией [29, с. 95-97].

Призыв Римского клуба к изменению и действию позволяет ставить вопрос о создании новых образовательных практик, в центре которых – человек, находящийся в синергичном взаимодействии с миром.

Следует отметить, что идея «нового Просвещения» на протяжении последних лет активно обсуждалась философами и теоретиками науки. Один из популяризаторов этого проекта, профессор Массачусетского университета С. Пинкер назвал эпоху Просвещения «рогом изобилия идей» (*cornucopia of ideas*). По его мнению, их достаточно для того, чтобы человечество могло измениться в лучшую сторону. На фоне многочисленных проблем очень сложно видеть позитивные изменения, тем не менее, С. Пинкер уверен, что главная идея Просвещения – использовать разум и знания для процветания человечества – не только не устарела, но стала еще более востребованной [28, с. 4].

По его словам, более чем когда-либо идеалы разума, науки, гуманизма и прогресса нуждаются в беззаветной защите. С. Пинкер напоминает, что основной девиз Просвещения, провозглашенный И. Кантом, «Дерзай знать!», защищает свободу мысли и высказываний, а препятствование этому есть преступление против человеческой природы. Его оптимизм основан на том, что цивилизация, построенная на идеалах Просвещения, открыта и не боится инноваций. Она продолжает улучшаться, и самое важное знание, которым она владеет – это знание о том, как выявлять и устранять ошибки [28, с. 7]. Бегство мыслителей Просвещения от распространенного невежества и суеверий показало, насколько ошибочной может быть общепринятая мудрость, и как методы науки – скептицизм, фаллибилизм, открытые споры и эмпирические исследования – формируют парадигму надежного знания [28, с. 10].

Представитель современной аналитической философии Д. Деннет также открыто отстаивает идеалы Просвещения, видя его главную ценность в создании технологии поиска истины, представленную наукой [23]. Именно наука, по его мнению, дает обществу объективное знание, обладает инструментами, определяющими ее устойчивость к человеческим ошибкам. Она совершенствует методы, выработав традицию критики, создав методологию, которая, в свою очередь, попадает под пристальный взгляд эпистемологии [23, с. 43]. Получая стабильные результаты в поиске истины, наука противостоит софистической учености, тенденциям инфляции истины. Д. Дэннет отмечает, что стремясь к объективности, наука, тем не менее, не безразлична к реальному миру, ей свойственен принцип ответственности, который следует принять и философии [23, с. 41].

Французский философ Б. Латур называет Новое время «Великим разломом»: в то время, как наука разделила природу, общество и человека, человек жил и живет в иной реальности – гибридной. В ней ничего не выносятся за скобки, и не устанавливаются запреты ни на какие комбинации [12, с.108]. Между тем, замечает Б. Латур, разорванность присутствует в самом названии эпохи. Если существует новое, значит, есть и старое, есть «до» и есть

«пост». Временная разорванность порождает противостояние (различного рода «анти-»), и как следствие – скептицизм и господство, заставляя человека усомниться в просветительских идеалах [12, с. 71]. Критика Латура направлена также на просветительский гуманизм и антропоцентризм. «Новое Время часто определяют, используя понятие «гуманизм»... При этом забывают, что вместе с рождением человека на свет появляется и «не-человечество» – вещи, объекты или звери и не менее странный, отграниченный от нас и находящийся вне игры Бог» [12, с. 74]. Философ высказывает идею о том, что истинное просвещение должно покончить со слепой верой в науку, с «патологией научного разума». Оно призвано «связать воедино небо, индустрию, тексты, души и нравственный закон», каким бы «немыслимым, неподобающим, неслыханным» это не казалось [12, с. 64].

Аналогичную мысль высказывает один из теоретиков «сложного мышления» французский философ Э. Морен. Он с сожалением отмечает, что «ни одна естественная наука не захотела познать свое культурное происхождение. Ни одна физическая наука не захотела признать своей человеческой природы. Великий разлом между наукой о природе и наукой о человеке скрывает одновременно и физическую реальность последней и социальную реальность первой [13, с. 32].

Принципиальную незавершенность проекта Просвещения и необходимость его усовершенствования отмечает Ю. Хабермас [22]. Речь идет, прежде всего, о замене монологического разума коммуникативным. Его особенности Ю. Хабермас связывает со способностями разума критиковать, вопрошать и изменяться. В современной мультикультурной реальности, в плюральности типов научной рациональности истина является результатом совместных усилий, коммуникации. Модернизированное Просвещение, поэтому, предполагает открытость к диалогу.

Очень близка к идее Просвещения как открытого проекта позиция П. Слотердайка. В его понимании Просвещение – это одна из форм эволюции, требующей «жизненного времени индивидов» [18, с. 80]. Как любой эволюционный процесс, он подвержен своим ритмам, подъемам и спадам. «Его ритм трудно предвидеть заранее, он бесконечно варьируется в зависимости от внутренних и внешних условий, а также от оказываемого сопротивления. Его любимый символ — пламя, и точно так же, как в костре, энергия Просвещения интенсивнее всего в центре и постепенно затухает к периферии» [18, с. 80]. Импульс Просвещения исходит от «мастеров рефлексивного интеллекта», но может затухать, наталкиваясь на инерцию и не поддающееся никакому Просвещению убожество. Слотердаик видит главную проблему в «деперсонализации Просвещения», отсутствии в современной науке масштабных личностей, просветителей [18, с. 81].

В целом в проекте нового Просвещения просматривается попытка вернуться к забытым или не в полной мере осмысленным идеям для понимания

и обновления современных идей. По словам генерального секретаря Института фундаментальных исследований юстиции (Париж) А. Гаропона, в свое время нужно было возвратиться к Античности, чтобы началась эпоха Возрождения. Смысл размышлений о эпохе Просвещения – заново открыть идеал Просвещения и сделать его современным [16, с. 7].

Сохраняя ориентацию на разум, рациональное познание и гуманизм, проект Римского клуба предполагает преодоление «Великого разлома», выявление и установление связей, взаимозависимостей между человеком, обществом и природой; мышлением, знанием и реальностью, в которой живет человек. В качестве одной из основных задач нового Просвещения определяется культивирование интегрального мышления. Раскрывая его специфику, авторы доклада подчеркивают недостаточность системного мышления и обозначают его принципиальные отличия от интегрального. Отмечается, в частности, что системное мышление сталкивается с трудностями при выявлении органической интегральности (*organic integrality*) явлений. Фокусируясь на взаимосвязи и взаимозависимости явлений, на исследовании их сложности, системное мышление, тем не менее, рассматривает реальность преимущественно в механистических категориях. Интегральное же мышление – это мышление восприятия, организации, согласования и воссоединения составных элементов основополагающей реальности, позволяющее достичь ее истинного понимания [29, с. 199].

В этих рассуждениях узнаваема позиция Э. Морена, который заметил, что системный подход так и не стал универсальным. Хотя он выявил общность систем, но, тем не менее, не раскрыл их «общности» [27]. Самый главный недостаток теории систем Э. Морен видит в холизме – частичном, одномерном, упрощающем видении целого, что делает его не менее опасным, чем редукционизм. Французский философ пишет о необходимости рекурсивного движения мышления – от частей к целому и от целого к частям, в процессе которого происходит научение. В связи с этим он раскрывает новый смысл понятия «эн-цикло-педия» (имеющее непосредственное отношение к Просвещению) – это «переход от порочного круга к действенному циклу», «овладение умением устанавливать связь между разрозненными точками зрения при усвоении знаний, превращая их в активный цикл» [13, с. 42, 45,]. Энциклопедизм означает не накопление знаний и не их сумму как результат накопления, а «соединение того, что в принципе соединено, и что должно в принципе стать объединенным» [13, с. 45].

Проект «Enlightenment 2.0» обосновывает необходимость фундаментального сдвига в глобальной системе образования – переход от обучения тому, как запоминать и понимать к обучению тому, как мыслить по-новому и систематично. Образование, апеллирующее к уму, уступает место образованию, развивающему критическое, независимое, оригинальное мышление, «грамотность в отношении будущего» (*futures literacy*),

способность противостоять сложности и неопределенности [29, с. 196, 197]. Э. Морен подчеркивает, что образование должно подготовить социальное, индивидуальное и антропологическое перевоплощение. Оно должно «помочь научиться жить» человеку как индивиду и части человечества [14, с. 128-129].

Эти установки, на наш взгляд, требуют более широкого взгляда на интеллектуальную культуру, о чем мы уже писали ранее, а именно: понимание ее как способа приращения созидательного знания через саморазвитие человека.

В таком случае возникает вполне правомерный вопрос «как научиться мыслить самому и научить мыслить других?». Один из возможных ответов – коллективная монография «Knowmad Society», в 2018 году представленная русскоязычному читателю [15]. Редактор и один из авторов, доктор философии Университета Миннесоты (Миннеаполис, США) Джон У. Моравец (John W. Moravec) задается вопросом: как в ситуации неопределенного будущего мы можем обеспечить свой собственный успех, успех общества, в котором мы живем, и всей планеты в целом? [15, с. 24].

Размышляя над ответом, Дж. У. Моравец пишет о зарождении протопарадигмы нового общества – Общества 3.0 или «Общества знаниевых кочевников». Его появление связано с «ускорением технологических и социальных изменений; продолжающейся глобализацией и «горизонтализацией» знаний и отношений, а также инновационно-ориентированным обществом, основанном на знаниях». Дж. У. Моравец отмечает, что в стремительно меняющемся обществе очень быстро теряют ценность старые социальные структуры, особенно те, которые связаны с образованием. Речь, поэтому идет не о реформе, а о революции в образовании, которая каждого призывает и учиться, и учить.

Становится понятным, что из системы, дающей знания, образование трансформируется в пространство самореализации человека посредством знания, становится непрерывным и непрекращающимся во времени самообразованием, в котором принципиальную роль играет интеллектуальный поиск, стремление понять сложность мира, использовать знание для его сохранения. Получающий образование человек не перестает быть частью сложного мира, даже если он не понимает и не осознает своей связи с ним. Образование призвано раскрыть эту связь, дать возможность понять и осознать необходимость ее сохранения. Собственно «образовывание» заключается не в слепом следовании социальным запросам, а в способности образования прогнозировать, формировать и корректировать эти запросы. С учетом современной социокультурной ситуации к целям образования следует добавить развитие у человека «созидательного мышления», которое не может не быть сложным [5, с. 100].

Новая интеллектуальная культура, тем самым, требует новых образовательных практик, в центре которых – человек созидающий, способный направлять свои мысли, знания и действия на саморазвитие в органичном единстве с миром.

Создание интеллектуального капитала возможно через создание культурного (ценностного) контекста в образовании, поскольку ценности, по мнению авторов проекта нового Просвещения, представляют собой и форму знаний – квинтэссенцию человеческой мудрости, и мощный фактор эволюции человека, его психологические навыки, имеющие огромное практическое значение [29, с. 198]. Иными словами, современное образование призвано стать стратегически важной социальной сферой в создании новой интеллектуальной культуры, основанной на сложном (соединительном) мышлении, созидательном знании, инновационной деятельности, представляющей новый тип интеллектуала.

Сообщества практикующих интеллектуалов

Какой он, интеллектуал XXI столетия? Новую генерацию интеллектуалов, востребованных Обществом 3.0, авторы книги «Knowmad Society» называют знаниемыми кочевниками. По определению Дж. У. Моравца, «знаниевый кочевник – это кочующий знаниевый работник инновационного типа, т.е. креативный, творческий и новаторский человек, способный работать с кем угодно, когда угодно и где угодно. Знаниевые кочевники ценятся за личные знания, которыми они обладают, и за способность целенаправленно применять эти знания в совершенно разных контекстах (в частности, в профессиональной деятельности)» [15, с. 52].

Живя и работая в сложном, изменяющемся, высокотехнологичном мире (в Обществе 2.0), они вынуждены постоянно решать новые задачи и соответственно – искать персонализированные и гибкие варианты обучения. Существующая модель образования, основанная на «одностороннем вещании» и соответствующая индустриальной эпохе (обществу 1.0), таких вариантов предоставить не может [15, с. 275]. Подчеркивая важность человеческого капитала в обществе знаниевых кочевников (обществе 3.0), Моравец пишет о переходе к моделям, «позволяющим использовать скрытые возможности для формирования личностно и социально значимых знаний, которые реально пригодятся в деятельности. Современные общественные и производственные структуры всё больше и больше нуждаются в знатоках – людях с уникальными знаниями и навыками» [15, с. 42, 54].

Настаивая на реформе образования, российский философ С. Смирнов писал о трансфессии – практике, выводящей субъекта за пределы какого-либо учебного предмета, и трансфессионалах – сетевиках-навигаторах, которые являются наводчиками и обучателями тому, как пользоваться сетями знаний и главное – как их добывать» [19]. Именно это, по мнению С. Смирнова, отличает его от профессионала как носителя фиксированных культурных норм и образцов (отсюда – жесткий предметоцентризм, знаниецентризм и другие негативы локализованности культурных норм на определенных носителях)» [19].

Ректор Томского государственного университета Э. Галажинский, по чьей инициативе состоялся перевод книги «Knowmad Society», также выражает уверенность в том, что наступило время специалистов-трансфессионалов – людей, которые хорошо освоили одну или более профессий и при необходимости умеют переходить их границы, переносить знания и технологии из одной сферы в другую, рождая новые знания и технологии. При этом он подчеркивает, что речь идет о расширении, а не уничтожении профессиональных границ. «Лучшие трансфессионалы – это специалисты, твердо стоящие на ногах в своей начальной профессии, но постоянно выходящие за ее пределы, чтобы обогатить ее знаниями и технологиями из других профессиональных областей». Поэтому трансфессиональность – это альтернатива не специализации, а стагнации и закрытости в профессиональной деятельности, приводящих к тому, что человек перестает понимать, для чего нужно постоянно совершенствовать свои навыки и умения [1].

Таким образом, трансфессия сопряжена с выходом за границы, ослаблением связей человека с профессиональной культурой, ее традициями и нормами. Она определяет человека-инноватора, способного к саморазвитию и самореализации, умеющего понять новое, вписать его в свою деятельность, отказаться от уже существующего стереотипа. Его отличает толерантность к неопределенности, готовность к самоизменению. «Такая личность действительно может рискнуть пуститься в плавание «по сетям-коммуникациям мирового образования» и даже попытаться строить свой собственный идеальный образ по своим авторским стандартам» [8, с. 198, 203].

Следует отметить, что понятия «трансфессия» и «трансфессионал» осваиваются и в украинском интеллектуальном пространстве [2, 5, 6, 7, 10, 11, 21], хотя и не так активно, как хотелось бы. Понятно, что предлагаемые определения интеллектуалов будущего – скорее метафоры, но они позволяют осмыслить субъекта зарождающейся интеллектуальной культуры. Реформа образования является глобальной проблемой, в решении которой важным и ценным может оказаться опыт Украины.

Как готовить, обучать интеллектуалов будущего? В докладе Римского клуба отмечается, что новое образование реализует идею «связанности», оно призвано помочь человеку учиться самому и помогать учиться другим. Если традиционное образование представляло собой органический процесс обмена знаниями между двумя людьми, то современное образование – это сеть отношений, создаваемая Интернетом и коммуникационными технологиями [26, с. 198]. В сетевой модели оно является самопроектированием и самоорганизацией человека, обладающего не только профессиональными навыками, но, прежде всего, «личностной компетентностью» [8, с. 210].

С одной стороны, сетевая модель образования органично вписывается в сетевое общество и таким же образом организованные интеллектуальные сообщества (по Р. Коллинзу). С другой – в сетевой организации не

только отсутствуют жесткие границы между различными научными и образовательными объединениями, но и возникают новые формы, которые ранее воспринимались как гибридные, неустойчивые или даже аномальные. В данном случае речь идет о меж- и трансдисциплинарных научно-образовательных сообществах, востребованных новой интеллектуальной культурой. В традиционных моделях образования (конвейерной или проектной), научные и образовательные сообщества были связаны формально, а реально – «разнесены» по разным сферам и уровням производства знаний. В частности, это выражалось в существовавшей и поддерживаемой интеллектуальной дистанции между учителем и учеником. В сетевой модели она исчезает – и тот и другой учатся друг у друга. В образовании возникает новая форма интеллектуальной коммуникации – сообщества *практикующих интеллектуалов*, для которых знание неотделимо от жизни, а самообучение – от обучения у других и с другими «на протяжении всей жизни».

Размышляя о современных научно-образовательных сообществах, следует подчеркнуть, что их ядром, центром локализации и местом базирования остаются университеты. Поэтому вопрос о том, как готовить современных интеллектуалов («трансфессионалов», «кочевников», «навигаторов») имеет прямое отношение к университетскому образованию. При этом научно-образовательные сообщества обладают достаточно высокой мобильностью и не имеют жесткой институциональной привязки. Благодаря социальным сетям они могут возникать где угодно и когда угодно, не ограничиваться пространством научных или учебно-образовательных центров; выполнять просветительскую, популяризаторскую функцию, локализуясь в хабах, бизнес-центрах и т.д. Более того, поскольку современная образовательная система, по словам Дж. У. Моравца слишком велика, медленна и слепа к реалиям сегодняшнего дня, студенты, родители, сообщества и другие «пожизненные студенты» вкладывают свои силы в создание новых школ и / или образовательных сетей [15, с. 60].

Современным научно-образовательным сообществам свойственна гибридность в распределении функций внутри объединения, они востребуют профессионально полифункционального человека, стремящегося дополнять и обновлять свою базовую профессию меж- и трансдисциплинарными связями, знаниями и навыками. Это определяет их как самоорганизующиеся, строящиеся на принципах инновационности, изобретательности и открытости.

Члены научно-образовательных сообществ – преподаватели-исследователи (или ученые, занимающиеся преподавательской деятельностью), студенты университетов, а потенциально – все те, кто готов учиться и переучиваться, осваивать новые профессии и виды деятельности. Это будущий культурный капитал, вовлеченный в «грандиозный разговор», будущий интеллектуальный мир (в понимании Р. Коллинза) или знаниевые кочевники (в понимании Дж. Моравца). Ядро или центр сообществ образуют уже состоявшиеся

інтелектуалы как носители и генераторы научных знаний. Остальных отличает скорее тяга к «грандиозному разговору»: стремление участвовать в беседе о самой «горячей», центральной проблеме... с целью попасть в область сосредоточения внимания, причем как можно ближе к ее центру» [9, с. 79]. Все они образуют научно-образовательное сообщество, обучаясь сами и обучая других, являясь со-учениками и со-учителями, помогая друг другу в личностном росте и развитии [15, с. 55].

Учитывая значимость образования, совершенно очевидно, что научно-образовательные сообщества играют принципиально важную роль в становлении интеллектуальной культуры. В них создаются условия, «запускающие формирование специалиста с широким спектром знаний и навыков (т.е. обладающего «мульти skillz-профилем)», готового к обучению всегда и везде» [15, с. 76]. Происходит освоение «сквозного» (а cross-cutting education), или «непрерывного» («life-long learning») образования и преподавателями, и студентами, благодаря которому они способны гибко и активно реагировать на изменения во всех сферах общества [15, с. 78]. Вопрос образования, таким образом, это вопрос *научно-образовательных практик*, в которых внимание сосредоточено не на том, что учить, а на том, *как* учить [15, с. 57]. Способы и средства его решения определяют, какой будет зарождающаяся интеллектуальная культура будущего.

Успех научно-образовательных практик в значительной степени определяется инициативой, мышлением, ответственностью, компетенцией и профессионализмом преподавателя. Современный преподаватель не учит. Он ищет, сомневается, дискутирует со студентами, показывает, *как* он думает, как работает «мышление связывания», рождается мысль. Он является интеллектуалом-исследователем, для которого вхождение в аудиторию – один из аспектов его научной деятельности. Его роль – это роль «медиума», посредника между разными качественными уровнями интеллектуальной культуры. Как профессионал, он отбирает, структурирует, адаптирует научную информацию под студенческую аудиторию, сохраняя при этом весь спектр противоречивых школ мысли. Преподаватель – это гид-проводник, помогающий само- и взаимообучению [29, с. 197-198]. Как исследователь, он не может не учиться сам, работая с информацией и генерируя собственные научные идеи. Как педагог, он не может не учить других тому, как работать с информацией. Тем самым сохраняется элемент учительства и ученичества, но в новой форме – возникающего в учебной аудитории научно-образовательного сообщества, в котором каждый берет на себя ответственность за собственное обучение.

В новой интеллектуальной культуре учительство должно стать наставничеством, ученичество – самообразованием. По всей видимости, именно такая цель оправдывает сам факт вхождения преподавателя в аудиторию. В противном случае его с успехом вытеснит электронное образование. Наставничество – это больше, чем форма обучения. Это способ

взаємодія, в якому спільно (викладачами і студентами) відпрацьовуються їх «hard skills» і «soft skills».

Відповідно, на запитання: «Хто повинен готувати професіоналів і знаних кочевників?» можна відповісти – викладачі-професіонали і знаних кочевники. Навчити мислити, пробудити мислення, відповідну рівню складності сучасного світу, може той, хто сам мислить созидально і складно. В сучасній освіті відбувається, за зауваженням В. Табачковського, «невідомий ріст значущості особистісної неповторимості викладача», оскільки «тільки ця неповторність може викликати до життя неповторність нащадків» [20, с. 408]. Викладач олицетворяє в широкому сенсі комунікацію між людьми, він здатний виробляти всі більш витончені форми такої комунікації або, навпаки, приглушити, придушити їх. Він є представником типу соціума, типу культури, світу дорослих, людськості, світу в цілому для кожного, хто виступає в ролі учня [20, с. 411].

Підводячи підсумок вищевикладеному і намечая перспективи подальшого обговорення проблеми, відзначимо наступне. Пошук відповіді на запитання: «Як навчитися складно і созидально мислити?» передбачає через науково-освітні спільноти створення гуманітарних практик, «людькотворчого» освітнього простору, призначеного трансформувати навчальний процес, подолати, виражаючи словами Е. Морена, всемогутність принципу роз'єднання, який «обрізає гуманітарні науки на екстрафізичну неспроможність, а природні науки – на неосвідомленість їх соціальної реальності» [13, с. 36]. Мета освітніх гуманітарних практик – з'єднати знання і життя, інтелект і професійні навички через співвідношення їх з культурою. Прививання «вічних і неперемінних істин» поступає місце пошуку «довготривалих» цінностей як запоруки життєвого і професійного успіху.

Нові форми інтелектуальної культури можуть виникнути в мультидисциплінарному освітньому просторі, в якому через діалог, обмін думками і кооперацію викладачів, студентів і керівників формуються «скрізні» освітні цілі і проекти, створюються умови для переходу до між- і трансдисциплінарного гуманітарного простору. В подібній комунікації кожна з дисциплін відкрита, готова до кооперації, реалізації спільних проектів, і в той же час залишається закритою, зберігаючи свій специфічний предмет, ракурс дослідження, методи і стратегії [13, с. 24].

Мультидисциплінарність освітнього контенту надає навчальним вибір ідей, концепцій, теорій з різних областей знання, формує повагу до альтернативних точок зору в науці, культурним відмінностям студентів і викладачів. Інтелектуальні запити студентів стають приводом для викладачів постійно оновлювати зміст

учебных дисциплин, искать формы и способы подачи актуальной информации. Этому способствует персонафицированная позиция педагога-исследователя, способного сделать обучение «невидимым», личностно значимым, преподнести его как «естественный вид человеческой деятельности», обучая через действие, диалог [15, с. 57-58].

Список использованной литературы

1. Галажинский Э. Слово – ректору. О трансфессии и трансдисциплинарности. В 2 ч. URL: http://www.tsu.ru/university/rector_page/o-transfessii-i-transditsiplinarnosti-chast-2/
2. Ганаба С. О. Зміст навчання у контексті соціокультурних змін «плинної модерності» / Світлана Ганаба // Вища освіта України: теорет. та наук.-метод. часоп. 2012. № 3. С. 89-95.
3. Гоулман Д. Емоційний інтелект / Деніел Гоулман; пер. с англ. С.-Л. Гумецької. Х.: Віват, 2018. 512 с.
4. Гоулман Д. Эмоциональное лидерство: Искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта / Дэниел Гоулман, Ричард Бояцис, Энни Макки; Пер. с англ. 4-изд. М.: Альпина Паблишерз, 2010. 301 с.
5. Доннікова І. А., Кривцова Н. В. Створювальне знання: мультидисциплінарність, інновація, самоосвіта // Матеріали IV Міжнародної наукової конференції студентів, молодих вчених та науковців «Методологія та технологія сучасного філософського пізнання» (Одеса, 25-26 травня 2018 р.). Одеса, 2018. С. 98–100.
6. Драган О. І. Інтелектуальна культура як складова інноваційної культури для інноваційного розвитку організації / О. І. Драган // Економіка ринкових відносин. 2013. №. 11. С. 251 – 258. URL: <http://dspace.nuft.edu.ua/jspui/handle/123456789/8735>
7. Змістові інновації у магістерській підготовці соціальних педагогів: монографія / [за заг. ред.: А. А. Сбруєвої та О. М. Полякової]. Суми : Вид-во СумДПУ імені А. С. Макаренка, 2013. 388 с.
8. Ключко В.Е. Психология инновационного поведения / В. Е. Ключко, Э. В. Галажинский. – Томск: Томский государственный университет, 2009. 240 с.
9. Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения / Рэндалл Коллинз [пер. с англ. И. С. Розова и Ю. Б. Вертгейм]. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. 1281 с.
10. Кривцова Н. В. Психологічні особливості потенціалу самореалізації особистості: Автореферат дис. .... канд. псих. наук за спеціальністю 19.00.01 / Н. В. Кривцова. – Одеса: ОНУ імені І. І. Мечникова, 2018. С. 22.
11. Кривцова Н.В., Доннікова І.А. Трансфесіонал як суб'єкт інноваційної освіти: психологічний аспект // Збірник Матеріали міжнародної наукової інтернет-конференції «Людина як цілісність: філософсько-методологічні,

соматичні та суспільно-психологічні аспекти здоров'я» (м. Одеса, 21 червня 2018 року). URL: http://onmedu.edu.ua/wp-content/uploads/2018/06/Krivcova_Donnikova.pdf

12. Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии / Пер. с фр. Д. Я. Калугина; Науч. ред. О.В. Хархордин. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006. 240 с.

13. Морен Э. Метод. Природа Природы / Эдгар Морен; перевод и вступительная статья Е.Н. Князевой. – Изд. 2 -е, доп. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013. 488 с.

14. Морен Е. Шлях за майбутнє людства / Эдгар Морен; пер. с фр. Є. Марічева. К.: Ніка-Центр, 2014. 256 с.

15. Общество Знаниевых Кочевников / Под ред. Джона У. Моравеца; пер. с англ. С.С. Носовой; науч. ред. пер. И.П. Кужелева-Саган. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2018. 346 с.

16. Просвітництво: історія, культура, ідентичність. Круглий стил / Є. Бистрицький, А. Гарапон, К. Гійон-лекок, О. Гомілко, І. Дюмон, А. Єрмоленко, В. Омелянчик, О. Панич, М. Попович, С. ПРОЛЕСВ, Ф. РЕНО // Філософська думка. 2017. № 4. С.6-46.

17. Репина Л. П. Интеллектуальная культура как предмет исследования // Диалог со временем. 2011. Вып. 36. С. 5 – 8. URL: http://roii.ru/r/1/36_1

18. Слотердайк П. Критика цинического разума / П. Слотердайк. – Екатеринбург: У/Фактория, М.: АСТ Москва. 2009. 800 с.

19. Смирнов С.А. Содержательные (парадигмальные) аспекты высшего социальнoгуманитарного образования. URL: v2.circleplus.ru/personalia/social/smirnov/about/paradygm.doc

20. Табачковський В.Г. Полісутнісне homo: філософсько-мистецька думка в пошуках «неевклідової рефлексивності» / В. Г. Табачковський. К.: Видавець ПАРАПАН, 2005. 432 с.

21. Теорія та методика професійно-педагогічної підготовки освітянських кадрів: акмеологічні аспекти: монографія / Керівн. авт. кол. Н. В. Гузій; Мін-во освіти і науки України, Нац. пед. ун-т імені М. П. Драгоманова. Київ : Вид-во НПУ імені М. П. Драгоманова, 2018. 516 с.

22. Хабермас, Ю. Теория коммуникативного действия. СПб.: Наука. 2001. 380 с.

23. Dennett D. Postmodernism and Truth. Why Getting It Right Matters // Free Inquiry. Vol.20. Winter 1999/2000. № 1. P. 40–43.

24. Gardner H. Multiple intelligences: the theory in practice / H. Gardne. New York : Basic Books, 1993. 304 p.

25. Goleman D. Emotional intelligence / D. Goleman. New York : Bantam Books, 1995. 352 p.

26. Mayer J.D., Salovey P. The Intelligence of emotional intelligence / J.D. Mayer, P. Salovey // Intelligence. 1993. V.17. № 4. P. 433–442.

27. Morin E. From the Concept of System to the Paradigm of Complexity / E. Morin; Translated by Sean Kelly // Science avec conscience, Paris: Points/Seuil. 1990. pp. 238 – 255.
28. Pinker S. Enlightenment Now: The Case Of Reason, Science, Humanism, Progress / Steven Pinker. – Allen Lane Published ,2018. 576 p.
29. von Weizsäcker E., Wijkman A. Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. Springer, 2018. 220 p.

**КУЛЬТУРА УКРАЇНСЬКИХ
ФІЛОСОФСЬКИХ СПІВТОВАРИСТВ:
СИТУАЦІЯ ТРАНСФОРМАЦІЇ**

Колективна монографія

Мережеве видання

Відповідальний редактор:

Л.М.Богатая, доктор філософських наук,
професорка кафедри культурології
Одеського національного університету імені І.І.Мечникова

Наукове видання

Українською та російською мовами

Системні вимоги:

операційна система Windows XP або новіша,
macOS 10.12 або новіша, Linux.

Програмне забезпечення для читання файлів PDF.

Обсяг даних 2,7 Мб

Прийнято до публікації «20» травня 2020 року

URL: <http://dspace.onu.edu.ua:8080/handle/123456789/28085>

Видавець і виготовлювач

С.Л. Назарчук

65009, Одеса, Фонтанська дорога, 10.

Тел. 050 905 23 77. E-mail: selen_odessa@ukr.net

Свідоцтво суб'єкта видавничої справи

ДК № 7024 від 23.12.2019.

**ДАНЕ ВИДАННЯ ПРИЗНАЧЕНЕ ВИКЛЮЧНО
ДЛЯ ПУБЛІКАЦІЇ НА ЕЛЕКТРОНИХ НОСІЯХ**